

ЗА СТРАНИЦАМИ НОМЕРА

Главному редактору газет «Советская Россия» В. В. Чикину.

Глубокоуважаемый Валентин Васильевич!

В «Вечернем Петербурге» (1992, № 108), несмотря на «демократическую» ангажированность этой газеты, появился любопытный материал — беседа с выдающимся режиссером и актером Никитой Сергеевичем Михалковым. Не сомневаюсь, что перепечатка данного интервью будет с интересом встречена читателями «Советской России».

П. В. БЕКЕДИН. Санкт-Петербург.

Никита МИХАЛКОВ:

Может, и я — агент КГБ?

История с авторской телепередачей Никиты МИХАЛКОВА «Перекресток» известна, наверное, многим. Сначала ее запретили, потом выпустили без объявления, в поздний час. Н. Михалков заявил, что отныне прекращает какое-либо сотрудничество с 1-м каналом телерадиокомпании «Останнино». Когда Никита Сергеевич был в Петербурге, я встретилась с ним, чтобы поговорить на тему, затронутую в «Перекрестке».

теперь делать? Не надо ничего уравнивать механически. Хотя уважение к остальным религиям, бесспорно, необходимо.

— В своей передаче вы задались вопросом: почему КГБ отдало на растерзание своих агентов только из иерархов Православной церкви, из интеллигенции и почему в этом списке нет никого из депутатов, из правительства, хотя, безусловно, и там есть люди, связанные с органами. Вы считаете, что это своего рода предупреждение для тех, кто был или сейчас находится у власти: мол, если что — и про вас снакут влукх. Но, наверное, это лишь часть ответа на вопрос: кому же это выгодно?

— А меня совершенно не интересует, был Питирим связан с КГБ или нет. Это его проблемы взаимоотношений с Богом, с совестью. Он что — преступник? Расстреливал людей? Сажал их в тюрьмы? Писал доносы? Ну, например, один священник рассказывал мне, что вынужден был писать проповеди в трех экземплярах. Один — себе, другой — в Синод, третий — в КГБ. И переживал это мучительно... Я же знаю, что такое «сотрудничество», в котором упрекают Питирима. Значит, тогда я тоже агент КГБ!

— А возможна ли демократия в Церкви?

— Смотря что вы имеете в виду. Существует понятие сохранения определенного чина. И если священник имеет право быть посредником между тобой и Господом — какая ж тут демократия? Да, целуй ему руку. И так должно быть. С другой стороны, в России демократия только в церкви и была, когда существовал единый нравственный закон, перед которым все едины — и государь, и нищий. Потом они выходили из храма, и один садился в «шестерку» (карету), а другой оставался на паперти. Но там, внутри храма, они были равны перед общим законом Божиим.

— Это стало уже достаточно явным: движение к церкви понадобилось только ради того, чтобы взять власть в свои руки. А теперь ее начнут душиить. Потому что несовместимо то, что делают власть имущие, с представлением о том, как должен поступать верующий человек. Это немисливо, например, чтобы священник орал на трибуне перед огромной толпой, требуя возмездия. И если он этого не понимает, если вокруг этого не понимают, о каком возрождении может идти речь? Ведь все заняты гоним. Жаждой гона. Радостью от гона. А церковь будет мешать этому. Она должна мешать гону только своим существованием. Поэтому провинциальные властолюбцы, которые во многом сейчас вершат судьбу народа без любви к нему, к этой стране, без желания даже задуматься над тем, что будет дальше, станут выступать против возрождения церкви... Понимаете, мне омерзительно на тональность всего происходящего. Мне глубоко претит неолевашевское желание заглядывать в замочные скважины, подымать дела и выяснять, «а что вы делали до 19 августа». Делом надо заниматься, господа, а не компроматы искать. И мне кажется, что до тех пор, пока мы будем тратить свою жизнь на гон, на митинги и поэмы, мы не сдвинемся с места... Генерал КГБ, который развенчивает свою организацию и на этом становится депутатом Верховного Совета, мне отвратителен. Если ты понял, что то, чему ты присягал, гадко, — напиши письмо и застрелись. Ты — офицер. Ты присягал. Но не красуйся на телеэкране, развенчивая дальше. Разве я не прав? Понятие чести, правил, понятия греха и стыда изуродованы или потеряны.

— Помилуйте!
— Когда едешь за границу, тебе говорят: «Слушай, Никита Сергеевич, там будет народ. Ты скажи, что так, мол, и так. Съезд у нас был. Решения хорошие принял». Я отвечал: «Есть! Обязательно скажу!» Но никогда этого не делал, конечно. А офицер ставил галочку, что беседовал с таким-то, дал задание... На кого может стучать митрополит? Вы только вдумайтесь! Чем он занят? Шифровкой? Слежкой? Он служит утром и вечером по несколько часов, издает массу прекрасной религиозной литературы, а между этим еще в поте лица своего работает на КГБ? Тогда это просто гениальные люди.

— Что вас настораживает в поведении Церкви сегодня?

— Да простит меня Его Святейшество — это публичность. Когда он, например, появляется на таких мероприятиях, как «рок на баррикадах»...

— Недавно на архиерейском Собрании создана специальная комиссия, которая намерена принимать обвинения в адрес духовенства в сотрудничестве с органами, но только в том случае, если они подтверждены документально и нанесли вред Церкви.

— Вы всегда были верующим человеком?

— Да, хотя я очень боялся за отца, когда ходил в храм. Но это воспитание матери, духовный мир которой был связан с православием. Мои дети пели в церковном хоре. Младшая 5-летняя дочь на вопрос, что самое важное в жизни, отвечает: «Терпение», а что само трудное: «Родителей кормить и Богу молиться». Это действительно труд — большой, требующий огромных усилий.

— Я не знаю об этой официальной позиции. Но вижу, что патриархия в этой ситуации ведет себя достойно. Это как раз и будоражит ее оппонентов. Я абсолютно уверен, что церковь не должна опускаться до выяснения отношений со светскими структурами. Ведь это и есть цель властей предрержащих. Но кесарю — кесарево, а Богу — богово.

— У вас есть любимый храм в Петербурге?

— Да, Никола Морской.

— Почему?

— Не знаю. Может, еще из Достоевского, когда Раскольников выбежал из подворотни, и эти купола ослепили его. Когда я снимал «Обломова», из окна Захара был виден Никольский, и я часто ходил туда во время съемок.

— Как вы думаете, не слишком ли дорогой ценой уступок и компромиссов сохранена Церковь?

— А в Москве?

— На Неждановой. Питиримовский. Это была любимая церковь моей матери.

— Достоевский сказал замечательно: если я узнаю, что истина вне Христа, я предпочитаю остаться со Христом, нежели с истиной.

— А чем вы заняты сейчас как режиссер?

— Буду снимать 20 серий 7-минутных фильмов «Сентиментальное путешествие на мою родину через русскую живопись».

— Как вы относитесь к тезису о том, что православие становится государственной религией, что ей уделяется больше внимания, чем другим конфессиям, и что это не демократично?

— Как вы себя ощущаете сейчас, в этот период своей жизни?

— Наверное, пришла внутренняя зрелость. Я стал более определенен в своих суждениях, желаниях, в ощущении мира и в своей позиции.

— А тут и не должно быть демократии. Потому что страна наша православная, и большинство населения в ней православные. Это не беда, вина их, наверное, но что ж

Беседавала Ильмира СТЕПАНОВА. («Вечерний Петербург», № 108, 1992 г.).